

С. Ю. Сапрыкин

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО: ОТ ТИРАНИИ К ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ

После того как в середине – второй половине XX в. археологическое изучение Боспора достигло вершины своего расцвета, назрела объективная необходимость обобщить накопленный богатый материал и привести его в соответствие с исторической концепцией развития Боспорского царства, крупнейшего государственного образования в Причерноморье. Со времени выхода в свет основополагающего труда В.Ф. Гайдукевича предпринималось несколько попыток написать полную его историю, однако все завершалось созданием монографий, в которых затрагивались либо отдельные этапы его истории¹, либо авторы ограничивались какой-либо одной областью или городом Боспора², а чаще всего рассматривали отдельные проблемы – сельское хозяйство³, ремесло, культуру и искусство. В этом ряду стоит и книга В.А. Анохина⁴, в которой используется в основном нумизматический материал и автор сводит воедино собственные наблюдения исторического порядка, изложенные ранее в специальных работах по монетному делу Боспора, Херсонеса, Ольвии и Северо-Западного Причерноморья. В предлагаемой вниманию читателя статье мы попытаемся по мере возможности представить общую концепцию развития Боспорского царства с учетом последних разработок в области нумизматики, археологии, эпиграфики. Мы будем стремиться построить изложение таким образом, чтобы через полемику с В.А. Анохиным и другими исследователями основные элементы концепции показались бы более отточенными и по возможности убедительными. В основу нижеследующих заметок положены наши работы по истории и археологии Боспора последних лет, в которых сформулировано наше видение основных этапов развития этого государства с древнейших времен до позднеантичной эпохи.

Для архаического периода истории Боспорского царства (ок. 600–480 гг. до н.э.) основным остается вопрос о колонизации и основании боспорских городов. Многие исследователи по-прежнему высказывают мысль, что первыми колонистами на Боспоре двигало желание заняться земледелием, рыболовством и торговлей, и считают, что лев или львиная голова на ранних монетах Пантикапея – это результат прямого влияния монетного дела Милета, метрополии большинства полисов Боспора. Пере-

¹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949; Gajdukevic V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin–Amsterdam, 1971; Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. См. также Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985.

² Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964; Кобылина М.М. Фанагория. М., 1989; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. См. также Крушкoл Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971; Марченко И.Д. Город Пантикапей. Москва–Симферополь, 1974; Худяк М.М. Из истории Нимфея. Л., 1962.

³ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975; Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.

⁴ Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. Книга А.С. Русяевой и В.М. Зубаря «Боспор Киммерийский: история и культура» (Николаев, 1998) является скорее научно-популярной, нежели исследовательской.

ход Пантикапея с эгинской монетной системы на персидскую – это результат восприятия эллинскими полисами Западной Малой Азии и прилегающих регионов, осуществивших колонизацию берегов Черного моря, персидских денежных знаков и весовых стандартов, что отразилось на чекане Пантикапея, который был связан с Ионией и Северной Анатолией, перешедшими под власть персов⁵. Выдвигая тезис об ионийском происхождении Гермонассы, исследователи не учитывают, что в группу колонистов могли входить и неионийцы, в частности эолийцы⁶, о чем говорят граффити⁷. Сейчас уже более или менее твердо можно выделить три этапа в основании греческих городов на побережье Керченского пролива: первый – конец VII – начало VI в. до н.э., когда в результате опустошения лидийцами хоры Милета и последовавших затем внутренних смут в этом полисе значительные группы переселенцев двинулись в Эвксинский Понт и основали ряд новых городов, в том числе Пантикапей, Феодосию, Кепы, Корокондаму; второй – начало второй половины VI в. до н.э., когда вследствие захвата Лидийского царства персами жители многих городов Ионии снова были вынуждены покинуть родину и выселиться в Понт, и тогда могли возникнуть Фанагория (ок. 540 г. до н.э.), Порфмий, Киммерик на горе Опук, сельская усадьба Андреевка Южная, ряд поселений на Таманском полуострове; третий этап – рубеж VI–V вв. до н.э. после подавления антиперсидского восстания греков Ионии и разгрома Милета, когда обездоленные граждане опять нашли приют на берегах Гостеприимного Понта и своим появлением способствовали возникновению нескольких сельских поселений в Восточной Таврике и многочисленных внеполисных образований на Тамани.

Эта с виду логичная схема требует серьезных пояснений в отношении специфики основания каждого населенного пункта в отдельности и конкретного региона в целом. Возникновение сельских поселений и усадеб в Восточном Крыму и на Тамани неправомерно увязывать с одними и теми же колонизационными процессами. На хоре европейского Боспора архаических поселений известно всего лишь не более десятка. Это поселения на мысе Зюк, Чокракский родник, Казантип Западный, Андреевка Южная, Южно-Чурубашское, Героевка I, Киммерик-Холм А, Чебакская балка, Такиль, Заветное, причем самые ранние слои там датируются последней четвертью VI – первой четвертью V в. до н.э. Ряд пунктов – Героевка I, Южно-Чурубашское – определенно принадлежат хоре Нимфея, который был основан в самом начале VI в. до н.э., а другие, вполне вероятно, возникли по границам хоры Пантикапея (Зюк, Чокрак, Андреевка Южная)⁸. Раскопки последних лет в Мирмекии позволили поставить вопрос о его появлении уже во второй четверти VI в. до н.э. Это дало возможность справедливо утверждать, что колонизация европейского Боспора проходила целенаправленно путем основания сравнительно крупных поселений. Со временем они превратились в так называемые «аграрные городки», которые были поглощены хорой Пантикапея⁹. Поэтому отстаивать идею о возникновении сельских поселений в Восточной Таврике в эпоху архаики в результате прямого выселения ионийских греков из Малой Азии, как, например, это происходило в Нижнем Побужье, где ситуация при колонизации была немного иной, не совсем верно. Применительно к Боспору правильнее, наверное, говорить о «вторичной колонизации», когда освоение хоры и основание небольших городков осуществляли выходцы из крупных городов Ионии. Рост земельных владений больших городов на Боспоре был в значительной степени

⁵ Carradice J., Price M. *Coinage in the Greek World*. L., 1988. P. 34.

⁶ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.–Л., 1953. С. 65–69.

⁷ Трейстер М.Ю., Шелов-Коведяев Ф.В. Глиняный конусовидный предмет с граффито из Гермонассы // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 122, 123.

⁸ Кругликова. Сельское хозяйство... С. 27–29; Масленников. Эллинская хора... С. 37; Scholl T., Zin'ko V. *Archaeological Map of Nymphaion (Crimea)*. Warsaw, 1999. P. 30, 43.

⁹ Виноградов Ю.А. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. 1995. № 3. С. 154; Масленников А.А. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. 1996. 3. С. 64.

вызван развитием внутривосточных отношений, обусловленных прибытием новых эпитков в уже ранее возникшие колонии.

Что касается хоры азиатского Боспора, то сельские поселения на Тамани, коих в архаическое и раннеклассическое время появилось на несколько десятков больше, чем на европейской стороне пролива, изучены пока еще недостаточно. Однако их картография¹⁰ показывает, что они могли возникнуть как вследствие расширения хоры Фанагории, Гермонассы и Кеп, так и путем оседания первопоселенцев непосредственно на сельской периферии, как это было при заселении греками Нижнего Побужья. Вторая версия перспективнее, так как характер колонизации зависел и от взаимоотношений с туземным населением. В Восточном Крыму они не всегда были мирными и в некоторых случаях регулировались договором со скифами и их царями, как это происходило при основании Пантикапея (Steph. Byz. s.v. Παντικαπεῖον). На противоположном берегу сложились более благоприятные условия как для роста хоры полисов, так и для заселения пустовавших и пригодных для обработки земель непосредственно прибывавшими туда колонистами. Тем более что связи греков и синдо-меотов стали тесными и мирными с самого раннего времени.

Таким образом, к 480 г. до н.э., когда к власти на Боспоре пришли Археанактиды, азиатская сторона пролива была освоена плотнее, чем земли в Восточном Крыму, где поселения гнездились только в северо-восточной части Керченского полуострова, в округе Нимфея, вокруг Феодосии и в прибрежной зоне к югу от Нимфея.

Вопрос о том, кто такие Археанактиды, получил в науке достаточное освещение. Мы поддерживаем тех, кто считал и считает Археанакта, предполагаемого родоначальника династии боспорских правителей, выходцем из Милета. В обоснование этой точки зрения В.А. Анохин выдвигает весьма убедительный аргумент: «Предполагаемое верховенство митиленского рода (по одной из версий родоначальник династии происходил из Митилены на Лесбосе. — С.С.) трудно увязать и с милетскими корнями большинства боспорских апокий, в том числе Пантикапея и Гермонассы». Однако отождествление Археанакта, отца Кизика, милетского эсимнета 516/515 г. до н.э., с неким Археанактом, посвятившим в середине VI в. до н.э. в Ольвии стацию¹¹, очень сомнительно. Ольвийская надпись слишком фрагментарна, а имя почитателя настолько распространено в греческом мире, что не дает права говорить о милетском и ольвийском Археанактах как об одном лице. Но это не значит, что их родственные связи невозможны, поэтому обнаружение означенного имени в Ольвии может косвенно свидетельствовать в пользу милетского происхождения родоначальника боспорских Археанактидов. Все же остальное — что сын Кизика, будто бы также по имени Археанакт, эмигрировал в Пантикапей после поражения ионийского восстания и его потомки получили известность как Археанактиды, захватившие власть на Боспоре в 480 г. до н.э., — не что иное, как возможная гипотеза без какой бы то ни было источниковой базы.

При реконструкции политической истории Боспора при Археанактидах важным подспорьем известному свидетельству Диодора (XII. 31. 1: «при архонте Феодоре в Афинах... исполнилось сорок два года царствования на Киммерийском Боспоре царей, называемых Археанактидами...») являются монеты. Есть точка зрения, что около 480 г. до н.э., когда произошло объединение боспорских полисов под властью Археанактидов, от городской пантикапейской чеканки отпочковалась чеканка под эгидой храма Аполлона. Единственное различие между ними — две точки на оборотной стороне храмовых монет и четыре точки на реверсе монет мелких номиналов

¹⁰ Kuznetsov V.D. L'organisation du territoire du Bosphore asiatique // ВСН. 1999. Suppl. 34. P. 342–344.

¹¹ Анохин. История... С. 16; см. также Виноградов Ю.Г. О методике обработки греческих эпиграфических памятников (по ольвийским материалам) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 67; Анохин. История... С. 16.

пантикапейского чекана¹². Однако непонятно, почему точки на реверсах отличают храмовую чеканку от городской. Подобного в греческой нумизматике припомнить трудно. Они, скорее всего, означают принадлежность монет одному и тому же эмитенту. Еще Д.Б. Шелов отмечал, что эволюция рисунка на вдавленном квадрате реверса ранних монет Пантикапея проходит ряд отчетливых ступеней – от ствастики или лопастей крыльев ветряной мельницы через помещение четырех точек к четырехлучевым звездочкам и далее к сокращенному названию города ПА, ПАН, ПАНТИ. В этом ряду выделяется мелкая фракция анэпиграфных монет с двумя точками первой четверти V в. до н.э., ко второй четверти столетия относятся монеты с двумя звездочками на рельефных таблетках и буквами ПА, что бесспорно доказывает их принадлежность Пантикапею¹³. Если сопоставить мелкие анэпиграфные монетки с двумя точками, принимаемые В.А. Анохиным за храмовые, и монеты Пантикапея с ПА, то бросается в глаза сходство расположения двух точек на первой и восьмилучевых звездочек на второй серии монет. Учитывая замечание Д.Б. Шелова о развитии типов пантикапейских монет VI–V вв. до н.э., можно сделать вывод, что обе серии относятся к выпускам одного и того же монетного двора, но в разные периоды времени. Монеты Пантикапея с ПАН и ПАНТИ логически завершали развитие типа реверса от монет с четырьмя точками к монеткам с двумя звездочками и, наконец, к сериям с двумя звездочками и ПА, одной звездочкой и ПАН, и ПАНТИ во всех четырех рельефных таблетках вдавленного квадрата. Следовательно, анэпиграфные монеты с львиной головой и двумя точками можно уверенно относить к Пантикапею, а так называемый храмовый чекан ограничивать монетами с АПОЛ.

Касаясь храмового чекана, В.А. Анохин отмечает, что после появления монет с точками положение в ряду монет храма Аполлона меняется. «Каждый из трех следующих выпусков храмовых монет не только отличается от синхронных им городских выпусков, но также и один от другого: сперва на них изображается голова льва и звезда, затем голова льва и буквы АПОЛ и, наконец, скальп льва и таблетки с буквами АП и звездами», – пишет он. Это не совсем точно. Как заметила Н.А. Фролова в развернутой рецензии на книгу В.А. Анохина о монетном деле Боспора, монеты городского чекана Пантикапея, монеты с АПОЛ и монеты с изображением муравья. ПА, ПАН, ПАНТИ, АПОЛ объединены общностью типов лицевых и оборотных сторон, а анэпиграфные монеты раннего времени с головой льва и муравьем – общими типами реверсов¹⁴. Монеты с АП типа – лев-квадрат, звезда и муравей-квадрат, звезда, – которые В.А. Анохин относит к храму Аполлона, традиционно считаются спорными, и их атрибуция храму зависит только от правильного прочтения легенды, а ее можно принимать и за сокращение названия города ПА(NTI) и за аббревиатуру АП(ОЛ) названия храма. Но ряд признаков позволяет утверждать, что эти монеты нельзя приписывать чекану храма Аполлона. Ведь все монеты этого храма несут название АПОЛ и оно никогда не встречается в сокращении; так называемые монеты с АП отличаются от монет с ПА только тем, что на реверсе имеют четырехлучевые звезды в отличие от восьмилучевых, а буквы читаются либо по часовой стрелке как АП, либо против часовой стрелки – как ПА. Во всем остальном, кроме разных штемпелей, они полностью совпадают. Поэтому монеты с АП, легенду которых правильнее читать как ПА, скорее относятся к городскому выпуску, нежели к храмовому. Уже давно подмечено, что типы городского и храмового чеканов совпадают, особенно в случае с городскими «говорящими» эмблемами Пантикапея (лев) и

¹² Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 47. Прим. 95; Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М., 1983. С. 400–416; Анохин. История... С. 16.

¹³ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 19–24.

¹⁴ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986 (далее – МДБ); он же. История... С. 16–20. Ср. Фролова Н.А. Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н.э. // ВДИ. 1988. № 2. С. 129.

Мирмекия (муравей)¹⁵. В.А. Анохин склонен увязывать храмовый чекан с типами монет, аналогичными городским, с правлением династии Археанактидов как жрецов храма Аполлона Врача. Он возражает против распространенной в последнее время гипотезы, которая приписывает монеты с АПОЛ конфедерации и военной симмахии боспорских полисов, направленной на оборону от усилившихся скифов, и одновременно религиозной амфикинии типа Дельфийской, освящавшей символом Аполлона означенный военный союз¹⁶. Если сравнить друг с другом типологию всех монетных выпусков Боспора конца VI – третьей четверти V в. до н.э., то легко заметить, что она полностью повторяет типы только двух боспорских городов – Пантикапея и Мирмекия, тогда как остальные полисы – Нимфей, Феодосия, Фанагория, Синдская Гавань или Синд били свою монету до правления Сатира I и Левкона I из династии Спартокидов. Н.А. Фролова, опираясь на вышеизложенную гипотезу о симмахии полисов Боспора при Археанактидах, попыталась объяснить это обстоятельство союзным чеканом Пантикапея и Мирмекия, освященным единым культом Аполлона Врача. По ее мнению, полисы, входившие в какие-либо союзы городов в VI–V вв. до н.э., имели общие типы изображений то на аверсе, то на реверсе монеты, использовали для чекана штемпели центрального монетного двора, пользовались свободой чеканки как полноправные члены союза, а его структура включала полную монополию на выпуск союзной монеты¹⁷. Однако отличительной особенностью монетных выпусков членов подобных союзов было не столько использование общего типа, сколько стремление указать принадлежность к союзу каждого отдельного города помещением на одну из сторон его монеты полисного типа или начальной буквы (или букв) его названия, дабы подчеркнуть равноправие всех членов союза. Наиболее яркие примеры такой монетной политики обнаруживаются на примере монет Беотийской лиги, союза Родоса, Книда, Иасоса, Самоса, Эфеса, Кизика, Византия¹⁸. На боспорских монетах VI–V вв. до н.э. нет следов, указывающих на равноправное положение городов, составлявших этот союз. Мы находим лишь анэпиграфные выпуски монет поочередно с головой льва и муравьем и такие же типы с ПА и АП (или ПА), АПОЛ, ПАН, ПАНТИ. Из этого можно сделать только один вывод: сначала, когда монеты выпускали без легенды – названия города или храма, т.е. приблизительно в 530–450 гг. до н.э. (первые монеты с муравьем появляются в 500–

¹⁵ Д.Б. Шелов связывал это с тем, что Мирмекий, не имея своего монетного двора, чеканил монету в соседних городах Пантикапее и Аполлонии, поэтому «лицевая сторона мирмекийских монет всегда занята говорящим типом этого города, а обратная получает реверсный тип монет того города, в котором производилась чеканка» (Шелов. Монетное дело... С. 29; *он же*. К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекия // ВДИ. 1949. № 1. С. 150; *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.–Л., 1951. С. 166). Но это противоречит общеизвестной практике выпуска монет одного центра на монетном дворе другого. Например, монеты скифского царя Атея, чеканенные в IV в. до н.э. на монетном дворе Каллатиса, имеют указание, что это монеты именно Атея, а не общины каллатийцев (*Рогальский А.* К вопросу о монетах скифского царя Атея // НСФ. 1974. 5. С. 11), а монеты аорских царей I в. н.э. Фарзоя и Инисмея, чеканившиеся в Ольвии, – легенду, что это монеты не Ольвии, а сарматских царей (*Карышковский П.О.* Ольвия и Рим в I в. н.э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 7). И так было всегда, когда суверенный правитель или полисный центр со своими органами власти выпускали монету с «любезного» разрешения другого государства на его монетном дворе и его же монетариями. В данном случае монеты с муравьем или так называемые монеты Мирмекия имеют легенду – название другого центра – Пантикапея или, как теперь полагают, храма Аполлона, или города Аполлонии, как считали до недавнего времени. Поэтому монеты, о которых идет речь, типологически связанные с Мирмекием, – это на самом деле мелкие разменные монеты Пантикапея. Из этого напрашивается только один вывод – городок Мирмекий входил в состав Пантикапейского полиса.

¹⁶ *Виноградов.* Полис... С. 394; *Vinogradov Ju.G.* Die Historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jhr. V. Chr. // Chiron. 1980. 10. S. 69; *Толстиков.* К проблеме. С. 47; *Фролова.* Проблемы... С. 130, 131.

¹⁷ *Фролова.* Проблемы... С. 131; *она же.* Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н.э. // РА. 1996. № 2. С. 34–69.

¹⁸ *Carradice, Price.* Op. cit. P. 55.

490 гг. до н.э., см. Анохин. МДБ, с. 136), действительно существовали какие-то зачатки независимого положения Мирмекия от Пантикапея, вызванные, вероятно, основанием его пантикапейской общины или появлением как самостоятельного образования после возникновения Пантикапея. Затем Мирмекий попадает под влияние или власть Пантикапея, поэтому на монеты с муравьем помещают название этого города в виде сокращений ПА, ПАН, ПАНТИ, и они циркулируют уже не как денежные знаки мирмекийской общины, а как монеты разросшегося политически и территориально пантикапейского полиса, который вошел не в равноправный союз с «доморощенной» или родственной апойкией Мирмекием, а подчинил его себе как доминирующая сила на европейском Боспоре и превратил в часть своей хоры. Это могло произойти в 450–437 годах до н.э., когда на акрополе Пантикапея стали возводить храм Аполлона, или чуть ранее, когда появились первые монеты с муравьем и легендами АП или ПА.

Проанализировав подробно раннюю чеканку Пантикапея, метрологические данные монет и разобрав их по штемпелям, Н.А. Фролова позднее пришла к выводу, что самостоятельной чеканки Мирмекия не было, а все монеты с его «говорящим» типом выпускали на монетном дворе Пантикапея и поэтому идея о монетном союзе двух городов во второй половине V в. до н.э. не находит подтверждения. И тем не менее она продолжает, но уже осторожнее, отстаивать идею о союзе городов Боспора под эгидой Археанактидов. По мнению Н.А. Фроловой, монеты с АПОЛ чеканились на монетном дворе Пантикапея, различить же чекан монетного двора храма от монетного двора города на Боспоре невозможно. Она подкрепляет это наблюдение тем, что штемпели лицевых и оборотных сторон монет с АПОЛ очень близки штемпелям монет Пантикапея с мордой льва и муравьем. Из этого и по аналогии с храмовой чеканкой в Эгееде она делает вывод: в греческом мире не знали разделения между государственной и храмовой властями¹⁹. Полностью соглашаясь с вышеизложенными выводами исследовательницы, мы все же вынуждены признать, что в датировке серий монет с АПОЛ она не всегда последовательна. Признавая их выпуск во второй–третьей четверти V в. до н.э., она далее относит их появление не ранее чеканки монет с мордой льва и углубленным квадратом, разделенным на четыре прямоугольника, ПАН, ПАНТИ, которые датирует третьей четвертью – концом V в. до н.э. Поэтому и монеты с АПОЛ она «передвигает» в последнюю четверть столетия, хотя серию муравей–углубленный квадрат, звезда, между лучами АПОЛ, как и все монеты с муравьем она датирует более ранним временем. На основании этих данных нельзя уверенно утверждать, что в V в. до н.э. на Боспоре сложилась мощная оборонительная конфедерация полисов, способствовавшая приходу к власти Археанактидов. Речь может идти только о двух городах – милетских колониях Пантикапее и Мирмекии, небольшом городке напротив будущей столицы Боспора.

Поэтому вряд ли справедливы предположения о происхождении Археанактидов из Гермонассы на азиатском Боспоре или из какого-то другого, помимо Пантикапея, центра будущего Боспорского царства. Обильная чеканка Пантикапея, параллельная храмовой, – вот доказательство власти Археанактидов в гражданской общине этого города, колонии Милета, а значит вполне допустимо их милетское происхождение. На этом основании следует согласиться, что образование союзасиммахии городов Боспора в VI–V вв. до н.э. невозможно. Речь может идти только о расширении власти одного города Пантикапея в результате установления тиранического правления Археанакта и его преемников.

Что касается монет с АПОЛ, то это, скорее всего, действительно храмовая чеканка, но предназначенная не для обслуживания мифической конфедерации или амфикинии, а направленная на финансирование строительства храма, реконструкцию акрополя и городских стен, религиозных празднеств и церемоний и, в конечном итоге, на поддержку власти Археанактидов. Мы не знаем, являлись ли Археанактиды

¹⁹ Фролова. Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н.э. С. 34–69.

жрецами храма Аполлона, но это вполне возможно, учитывая асимметрию их предполагаемых предков в Милете. Зато мы располагаем обильными городской и храмовой чеканками Пантикапея, поэтому имеются все основания считать Археанактидов архонтами Пантикапея с входящим в его состав Мирмекием. Архонтская власть на Боспоре всегда была наследственной как власть тираническая, а значит полисная по происхождению и характеру²⁰. А тираны в греческих полисах часто становились верховными жрецами наиболее популярных культов. Это стало причиной появления монет с муравьем и ПАН, муравьем и АПОЛ. Но деление храмовых монет по сериям и подгонка под него периодов правления Археанактидов, как это делает В.А. Анохин, очень спорны. Если их власть в течение V в. до н.э. становилась все более авторитарной, утрачивая религиозные функции, то речь уже надо вести не о храмовой, а о городской чеканке. Это и стало причиной кратковременности выпуска монет с АПОЛ, распадающихся всего на четыре типа и захвативших лишь конец второй – третью четверть V в. до н.э. Это свидетельствует против принадлежности данных выпусков амфикионии или симмахии, подкрепляя идею об их специальном чекане для внутригородских нужд общины Пантикапея и обслуживания тирании Археанактидов.

В.А. Анохин пишет, что Гермонасса утратила полисный статус после присоединения к Пантикапею около 470 г. до н.э., и подкрепляет это утверждение отсутствием ее упоминания в перипле Псевдо-Скилака и ссылкой на два гемибола 490–480 и 480–470 гг. до н.э., на аверсе которых он видит неясное изображение какого-то животного, а на реверсе – вдавленный квадрат, в одном случае разделенный на восемь неправильных треугольников наподобие восьмилучевой звезды, а в другом – на четыре квадратика с точками в каждом из них. Эти монеты хранятся в частной коллекции и, по мнению автора, на их гермонасском происхождении настаивать нельзя.

Действительно, ничто не подтверждает их чекан в Гермонассе. Их вес укладывается в веса пантикапейских монет 490–480 гг. до н.э., а тип реверса напоминает типологию монет Пантикапея конца VI – начала V в. до н.э. (точки, контуры звезды-солнца с восемью лучами, вдавленный квадрат, отсутствие легенды). Аналогии реверсу в виде треугольников можно найти в чекане Эгины и Андроса: на эгинских статерах 550–456 гг. до н.э. от пяти до семи треугольников во вдавленном квадрате, а на статере Андроса 525–500 гг. до н.э. их шесть. Аналогией могут служить и статеры Ликии, выпущенные ок. 520 г. до н.э., оборотная сторона которых в *quadratum incusum* насчитывает даже 12 треугольничков²¹. Типологию лицевых сторон на самом деле определить затруднительно. Но она напоминает не контуры животного, а скорее здесь изображение проры, близкое типу самосских монет, а также монет основанной самосцами Занклы в Южной Италии 493–489 гг. до н.э. На их аверсе львиная голова – символ острова Самос²², а на реверсе – нос самосской галеры. Львиная голова напоминает скальп льва с монет Пантикапея, скопированного с монет Милета или того же Самоса. Это говорит о том, что эгия гемиболы не принадлежат какому-либо средиземноморскому центру, то они относятся не к Гермонассе, а к основанному самосцами Нимфею. Их принадлежность нимфейскому кладу, кстати сказать, не отрицает и сам В.А. Анохин. Поэтому означенные монеты не следует считать решающим аргументом в пользу предполагаемого союза Пантикапея и Гермонассы. Пока у нас нет данных, что в первой половине V в. до н.э. вокруг Пантикапея могли объеди-

²⁰ Сапрыкин С.Ю. Тирания в припонтийских государствах // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 88; Васильев А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 122–125.

²¹ О «гермонасских» монетах см. Анохин. История... С. 20 сл.; об аналогиях им см. *Carradice, Price. Op. cit. Pl. 2, 24, 31–36; Kraay C.M. Archaic and Classical Greek Coins. L., 1976.*

²² *Robinson E.S.G. Rhegion, Zankle-Messana and the Samians // JHS. 1946. 60. P. 13–20; Carradice, Price. Op. cit. Pl. 5, 68, 9, 119; Howgego Ch. Ancient History from Coins. L. – N.Y., 1997. P. 6, 63.*

ниться какие-либо города, помимо вошедшего в состав Пантикапейского полиса небольшого городка Мирмекий, так что о каком-либо мощном союзе-симмахии не может быть и речи. В качестве главных свидетельств симмахии городов и прихода Археанактидов к власти в связи со скифской угрозой сторонники этой идеи выдвигают возведение оборонительной стены в Мирмекии в конце первой трети V в. до н.э., находки там же стрел скифского типа, бронзовых псаля и бляшки от конской узды в зверином стиле, строительство Тиритакского оборонительного вала, следы пожаров и разрушений первой четверти V в. до н.э. в Мирмекии, Порфмии, Тиритаке и других поселениях европейского Боспора²³. Однако, уже само появление оборонительных стен в Мирмекии, Тиритаке и Порфмии, расположенных в пределах Тиритакского вала, призванного якобы защищать их от скифской угрозы, ставит под сомнение строительство стен как результат скифской экспансии²⁴. Кроме того, последние исследования показали, что древнее происхождение Тиритакского вала сомнительно²⁵. Фрагменты скифского оружия и бронзовых вещей в районе оборонительной стены Мирмекия происходят из перемешанного слоя²⁶, что не может быть надежным подтверждением их появления по причине угрозы прямого скифского нападения. Ничто не препятствует предположить, что разрушения, пожары, фортификационные работы в Мирмекии и других городах европейского Боспора стали последствием агрессивности тиранов Пантикапея, стремившихся укрепиться на соседних землях²⁷.

Отсутствие Гермонассы и Корокондамы в перипле Псевдо-Скилака, наряду с упоминанием Пантикапея и Мирмекия, не служит веским доказательством потери Гермонассой независимости в начале V в. до н.э. и вхождения его в симмахию Археанактидов. Там отсутствуют также Патрей, оба Киммерика – в Европе и Азии, Тирамба, Тиритака, что можно объяснить утилитарным назначением сведений перипла. Он составлялся для мореходов, жаждавших достоверных и подробных данных об удобных гаванях, наикратчайших и безопасных путях плавания по Понту, поэтому у Скилака список городов дан с расчетом на каботажное плавание вдоль левого берега Понта и далее вдоль побережья Таврики к Боспору²⁸. Гавани не упомянутых в перипле городов либо не устраивали моряков, либо оставались немного в стороне от главных морских путей (как, например, Гермонасса), так как путь плавания к Боспору вдоль восточного берега Черного моря доходил до Синдикки, а далее поворачивал прямо к Пантикапею²⁹. Поэтому они и не были отмечены в руководстве. Возможно, что Тиритака в V в. до н.э. входила в состав хоры Пантикапея, Тирамба и другие более мелкие города являлись частью территории Фанагории или Гермонассы, а Киммерик был автономным или включен во владения Китея.

Несмотря на отсутствие мощной симмахии городов Боспора при Археанактидах, владения Пантикапея увеличились, а роль государства усилилась. Это подтверждают последние раскопки на его акрополе, в ходе которых обнаружены остатки цоколя

²³ Толстиков. К проблеме... С. 32–39; он же. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 2001. 4. С. 402–404 и указанная там литература.

²⁴ Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. № 1. С. 61.

²⁵ Масленников А.А. Новое в исследовании боспорских валов // VI Чтения памяти проф. В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 75.

²⁶ Виноградов, Тохтасьев. Ук. соч. С. 58.

²⁷ См. правильное, на наш взгляд, заключение на этот счет А.Н. Васильева (К вопросу... С. 111 сл.), связавшего это с внутрибоспорскими противоречиями.

²⁸ Arnaud P. Les relations maritimes dans le Pont-Euxin d'après les données numériques des géographes anciens // REA. 1992. 94. 1–2. P. 60–62; cf. Baschmakoff A. La synthèse des periples pontiques. P., 1948. P. 18.

²⁹ Это путь, упоминаемый у Геродота (см. Гайдукевич В.Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. 46. С. 11–13; Сапрыкин С.Ю. Херсонесские проксении и пути плавания по Понту // ПИФК. 1999. VIII. С. 218).

оборонительной стены, толосовидное здание общественного назначения с примыкавшим к нему комплексом строений и улиц, стена из массивных каменных блоков с пристроенным к ней многокамерным комплексом в форме вытянутого прямоугольника. Это постройка первой четверти V в. до н.э. и связаны с политикой Археанактидов, хотя ее по-прежнему пытаются объяснить пресловутой скифской угрозой со стороны степи, способствовавшей якобы формированию симмахии боспорских городов³⁰. Строительство оборонительных стен Пантикапея и Мирмекия в первой четверти V в. до н.э., воследовавшее за разрушением ряда поселений Боспора на рубеже VI–V вв. до н.э., могло быть вызвано внешней опасностью со стороны скифов, однако появление стен являлось и признаком концентрации власти и проявления урбанистических процессов. Изучение скифских курганных погребений середины V в. до н.э. в окрестностях Пантикапея свидетельствует о достаточно мирных и добрососедских отношениях скифской знати и боспорской аристократии³¹. Таким образом, влияние скифской опасности на формирование боспорской государственности преувеличено. Она существовала, но только в той мере, в какой постоянно приводила к эпизодическим вспышкам скифо-боспорских конфликтов в течение всего периода боспорской истории. С самого возникновения Пантикапея взаимоотношения боспорцев и скифов Восточного Крыма были взаимовыгодными³², поэтому кратковременное усиление скифов в самом конце VI – начале V в. до н.э. вряд ли существенно повлияло на объединение боспорских городов, тем более что большинство их находилось в Синдике и их связи с меото-синдским населением были вполне дружественными. Скифская опасность в начале V в. до н.э. могла сказаться лишь на становлении тиранической власти Археанактидов в Пантикапее³³, тогда как Нимфей, согласно данным раскопок его курганного некрополя, сохранял со скифами дружбу³⁴.

Можно согласиться с оценкой власти Археанактидов как тиранической³⁵, но возникшей не столько в целях отстаивания скифских интересов перед греческим населением и интересов последнего перед скифским, как считал М.И. Ростовцев, сколько в результате внутренних процессов развития полиса, что проявилось и в Греции при становлении «старшей» тирании. Но на Боспоре эти процессы были отягощены не всегда мирным соседством скифского этноса в Таврике. Близость к грекам скифов и синдо-меотов только способствовала усилению тирании на Боспоре на благо эллинской, скифской и синдской аристократии, поэтому все умозрительные построения относительно симмахии боспорских городов или религиозной амфикионии лишены оснований. Мы разделяем точку зрения тех, кто отрицает такое объединение, ибо источники полностью исключают мощный антискифский союз на

³⁰ Толстикова В.П. Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспоро-скифских отношений в VI–V вв. до н.э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. С. 48–55.

³¹ Виноградов Ю.А. Курганы варварской знати эллинистической эпохи в районе Боспора Киммерийского // Там же. С. 195–197; продуктивна мысль автора, что на протяжении всей своей истории династы Боспора имели союзников сначала в лице скифской, а потом синдо-меотской знати (см. *он же*. Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского (Опыт интерпретации) // ВДИ. 2001. № 4. С. 83).

³² Бунятян Е.П., Бессонова С.С. Об этническом процессе на европейской части Боспора в скифское время // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конф. памяти акад. М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 57; Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // БС. 1995. 8. С. 62.

³³ Ростовцев М.И. ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы акад. М.И. Ростовцева // ПАВ. 1993. 5. С. 77–80.

³⁴ Масленников А.А. Этнический состав населения боспорских городов в VI–V вв. до н.э. // СА. 1978. № 1. С. 33; Зинько В.Н. Хора Нимфея в VI–IV вв. до н.э. // ДБ. 1998. 1. С. 88.

³⁵ Ростовцев. ΣΚΥΘΙΚΑ. С. 77 сл.; Мачинский Д.А. Скифия и Боспор // Скифия и Боспор... 1989. С. 7.

Боспоре в первой половине – середине V в. до н.э., подтверждая только процесс формирования хоры разрозненной вширь пантикапейской общины, поглотившей небольшие соседние городки или выселки типа Мирмекия и Тиритаки.

Любопытно чередование типов лицевых сторон монет Пантикапея третьей четверти V в. до н.э. На монете с АП или ПА и двумя звездочками в двух таблечках вдавненного квадрата, в отличие от уже устоявшегося типа головы льва, заимствованного из Милета, впервые появляется скальп льва с выступающей нижней челюстью. Это традиционный монетный тип Самоса 480–440 гг. до н.э., проникновение которого на Боспор В.А. Анохин объясняет связями Археанактидов с самосскими олигархами. Это, по его мнению, вызвано отходом от проафинской позиции Боспора после конфликта Самоса с Милетом и вмешательства в него афинян, изгнавших самосских олигархов и подчинивших остров. После этого группа самосцев бежала на Боспор и обосновалась в Нимфее, ранее возникшем как колония Самоса. Установление связей Боспора с Самосом В.А. Анохин правильно ставит в зависимость от стремления Археанактидов распространить влияние на этот город. Он справедливо рассматривает монеты с легендой ΣΑΜΜΑ как принадлежащие переселившимся в Нимфей самосцам³⁶, однако его дальнейшие умозаключения вызывают по меньшей мере недоумение.

Разбирая легенду ΣΑΜΜΑ на ставших недавно объектом исследований монетах из эльтигенского клада, В.А. Анохин читает ее как ΣΑΜΜΑ(ΙΩΤΑΙ) – «саммеоты» и на этом основании делает вывод, что беженцы с Самоса приняли в Нимфее этникон «саммеоты», т.е. меотские самосцы (sic!). Просамосская позиция Археанактидов в конфликте Афин и Самоса позволила беженцам с острова переселиться в Нимфей. Это, однако, плохо согласуется с тем, что в означенную эпоху Нимфей не подчинялся Пантикапею, а значит и правившим в нем Археанактидам. Поэтому эта точка зрения несостоятельна.

В 438 г. до н.э. на Боспоре, точнее в Пантикапее, произошла смена династии: власть оказалась в руках у Спартокидов, которые оставались у руля правления до присоединения Боспора к Понтийской державе Митридата Евпатора в самом конце II в. до н.э. Иногда предполагают, что на это непосредственно повлияла причерноморская экспедиция Перикла в 438–437 гг. до н.э., одной из задач которой было устранить от власти оппозиционный афинянам род Археанакта и посадить на престол проафинскую династию Спартокидов. Родоначальником последней считают Спардока, брата фракийского царя Ситалка и отца Севта, известного на Боспоре как Спарток I³⁷. К сожалению, эту гипотезу трудно подкрепить данными источников, ведь о происхождении Спартокидов существуют диаметрально противоположные концепции – их считают фракийской, иранской, эллинской и даже синдо-меотской династией³⁸. Хотя приход Спартокидов к власти мог быть вызван усилением Афин при Перикле, который стремился распространить афинское влияние в Причерноморье, особенно если принять во внимание последующие тесные отношения Афин и Боспорского царства. Однако мнение о том, что Спардук, одрисский династ V в. до н.э. – это первый боспорский архонт Спарток I, следует пока считать в высшей степени спорным³⁹. С критикой идеи о чекане монет с надписью ΣΑΜΜΑ и ΣΑΜ на Боспоре выступила Н.А. Фролова, не поддерживавшая мысль о саммеотах как инициаторах их там появления, равно как и гипотезу В.Ф. Столбы о выпуске их неизвестным

³⁶ Анохин. История... С. 22–25.

³⁷ Мачинский Д.А. Скифия и Боспор. От Аристея до Волошина // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 17; Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992. С. 125; Анохин. История... С. 30–37.

³⁸ Подробную сводку мнений см. Блаватский В.Д. Об именах Спартокидов // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 55–58; Десятчиков Ю.М. К вопросу о происхождении династии Спартокидов // КСИА. 1985. 182. С. 15–18.

³⁹ Васильев А.Н. Одрисский династ во главе Боспора? // Боспорский феномен... С. 106–111.

боспорским тираном⁴⁰. Гораздо более плодотворна точка зрения И.Е. Сурикова, который прочитал легенду ΣΑΜΜΑ как аббревиатуру родит. падежа множ. числа ΣΑΜΜΑ(ΙΩΝ) = ΣΑΜΑΙΩΝ (от Σαμαῖος) с удвоением корневого согласного и предположил, что Нимфей мог изначально иметь название, тождественное его метрополии, – Самос⁴¹. Это находит подтверждение в многочисленных признаках непосредственного участия самосцев в колонизации Нимфея в 580–560 гг. до н.э.⁴² и в практике наречения дочерних оснований названиями метрополий, например, Ольвии – Милетополисом, а Херсонеса Таврического – Мегарикой и Гераклеей.

Для характеристики правления Археанактидов и ранних Спартокидов важное значение имеют их территориальные владения. Ученые новейшего времени ограничивали их окрестностями Пантикапея (К. Брандис, М.И. Ростовцев, А.Н. Васильев), подключали к ним Тиритаку, Мирмекий, Аполлонию, Гермонассу, Фанагорию, Кепы, Корокондаму, Патрей (В.Д. Блаватский, Т.В. Блаватская), говорили об объединении под властью Археанактидов, резиденцией которых был Пантикапей, других городов по обеим сторонам пролива (В.В. Латышев, Д.П. Каллистов, В.Ф. Гайдукевич, Ю.Г. Виноградов, В.П. Толстик), предполагали первоначальное господство рода Археанакта на европейском Боспоре, ограничивая его Пантикапеем, Тиритакой, Мирмекием, Парфением и Порфмием, с присоединением к нему и других городов на азиатской стороне (Ф.В. Шелов-Коведяев). В.А. Анохин считает, что после изгнания Археанактидов под властью Спартока I оказались Пантикапей, Гермонасса, Корокондама, Тиритака, которые и составили понятие «Боспор». Однако все эти предположения так и остаются гипотезами, поскольку в нашем распоряжении имеются лишь данные монет автономного чекана Нимфея, Феодосии, Фанагории, «синдов», а также афинские податные списки фороса от последней четверти V в. до н.э. с обрывками названий причерноморских городов, в том числе и в районе Боспора Киммерийского. А они свидетельствуют о том, что Фанагория выпускала свою монету до рубежа V–IV вв. или до первого десятилетия IV в. до н.э.⁴³, Нимфей прекратил чекан около 405 г. до н.э.⁴⁴, что связывают с подчинением Спартокидам. Как бы ни решился вопрос о времени чекана монет Феодосии – будь то полное прекращение его в первой четверти IV в. до н.э. после войны за подчинение города при Сатире I и Левконе I, или продолжение его уже в составе Боспора после войны с Гераклеей Понтийской, и даже в III в. до н.э.⁴⁵ – последние исследования феодосийских монет О.Н. Мельниковым и Н.А. Фроловой убедительно показывают, что три типа серебряных и четыре типа медных монет (всего 11) явно датируются до присоединения Феодосии к государству Спартоки-

⁴⁰ Фролова Н.А. Монеты Нимфея (Некоторые проблемы исследования чеканки Нимфея) // ДБ. 2000. 3. С. 340–355; см. также Столба В.Ф. Второй Эльтигенский клад боспорского серебра второй половины V в. до н.э. (IGCH, 1004) // VI Всероссийская нумизматическая конф. СПб., 1998. С. 20. Мнение о чеканке в Нимфее монет скифским царем, имя которого имело корневую иранскую основу ΣΑΜ (Виноградов Ю.Г., Молчанов А.А. Еще раз о монетах Нимфея с легендой ΣΑΜΜΑ // X Всероссийская нумизматическая конф. СПб., 2001. С. 17, 18) в высшей степени гипотетично и не подтверждено в источниках.

⁴¹ Суриков И.Е. Нумизматическое свидетельство о самосской колонизации Причерноморья? // ПИФК. 2001. X. С. 90.

⁴² Зинько В.Н. Становление Нимфейского полиса // Боспорский феномен... С. 102.

⁴³ Шелов. Монетное дело... С. 49–51; Завойкин А.А. О времени автономной чеканки Фанагории // БС. 1995. 6. С. 92.

⁴⁴ Шелов-Коведяев. История Боспора... С. 90–113; Кошеленко Г.А., Усачева О.Н. Гилон и Кепи // Археология. 1992. № 2. С. 51; Усачева О.Н., Кошеленко Г.А. Об одной загадке боспорской историографии // РА. 1994. № 3. С. 65–69; Зинько В.Н. Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. 1996. V. С. 13.

⁴⁵ Шелов Д.Б. Автономные монеты боспорских городов как исторический источник // Археология и история Боспора. 1952. Вып. 1. С. 151; он же. Возникновение Феодосии // Труды ГИМ. 1957. XXVI. Нумизматический сборник. 2. С. 25; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 75–77; Петрова Э.Б. Античная Феодосия. Симферополь, 2000. С. 67–69, 95, 96.

дов, ибо укладываются в пределы V – самое начало IV в. до н.э.⁴⁶ А так называемые «синдские монеты» вообще чеканились в середине V в. до н.э.⁴⁷, в период расцвета правления Археанактидов. Маловероятно, что Фанагория и Нимфей приступили к чекану после выхода из предполагаемой симмахии Археанактидов и стали выпускать автономную монету при ранних Спартокидах. В списках дани членов Афинского союза по Фракийскому податному округу в 425 г. до н.э. фигурируют обрывки названий северопонтийских городов – ΚΙΜ... – Ким(мерик?), ΠΑΤ... – Пат(рей?), Пат(расий?). Если это и вправду города на побережье Боспора Киммерийского⁴⁸, то можно полагать, что Киммерик и Патрей не входили в государство Археанактидов и не подчинялись ранним Спартокидам. Это заставляет признать близкими к истине предположения, что Археанактиды владели только землями в окрестностях Пантикапея и Мирмекия как части хоры будущей столицы Боспора, и эту территорию унаследовал и Спарток, совершивший переворот в 438 г. до н.э. Можно согласиться и с мыслью о том, что Археанактиды могли быть архонтами Пантикапея и архонтство перешло затем к Спартокидам, как засвидетельствовано надписями. Если это так, то мы вправе говорить о полисном статусе власти Археанактидов и пришедших им на смену Спартокидов. Поэтому совершенно справедливы оценки режимов Археанактидов и Спартокидов как тиранических (Ю.Г. Виноградов, Ф.В. Шелов-Коведяев, В.А. Анохин, Т.В. Блаватская и др.).

Археологические раскопки показывают, что на европейском Боспоре конца VI – V в. до н.э. четко прослеживаются элементы полисной структуры земельных владений. Выделяются своего рода микрозоны полисных территорий Феодосии, Пантикапея, Нимфея (может быть, к ним предположительно следует причислить Киммерик). Это подкрепляет версию о том, что при независимом положении Нимфея и Феодосии в течение V в. до н.э. тирания вызревала в пределах Пантикапея и его территорий, из крупных населенных пунктов включавшей в себя лишь Мирмекий.

Против «полисной» оценки правления Спартокидов и в поддержку их «царственного» статуса иногда приводят распространенный у них обычай соправительства. Современные ученые вслед за Диодором признают, что Сатир I, сын Спартока I, и некий Селевк правили в период между 432–392 гг. до н.э. (Diod. XII. 31.1; 36.1; XIV. 93. 1). В.А. Анохин доказывает факт соправительства Сатира I и Селевка ссылкой на упоминание «тиранов» у Эсхина, Аристотеля, Полиена. Однако в источниках IV в. до н.э. этот собирательный термин может подтверждать институт соправительства на Боспоре лишь косвенно, так как он больше относится к характеристике власти династии вообще. Приводить же для династической истории Боспорского государства V в. до н.э. проксенический декрет из Горгииппии с упоминанием Селевка, сына Евмела, изданный А.И. Болтуновой и неоднократно вызывавший споры среди эпиграфистов по поводу его датировки, неправомерно, поскольку он должен относиться к концу IV – началу III в. до н.э.⁴⁹ Несмотря на то что большинство исследователей видят в обломе надписи остатки буквы Υ и вслед за первоиздателем восстанавливают здесь имя Селевка, тем не менее эта буква на камне остается под большим сомнением, ибо на ее месте даже на фотографии заметны остатки Ο – *омикрона*. Если это так, то декрет относится к правлению Спартока III, сына Евмела, что согласуется с палеографией и общепринятой датировкой. Очень сомнительно, что в хронике правителей Боспора у Диодора Селевк будто бы мог быть членом ближайшего ок-

⁴⁶ Мельников О.Н. Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. 2000. VII. С. 208–218; Фролова Н.А. Чеканка Феодосии конца V – IV вв. до н.э. // ПИФК. 1999. VIII. С. 302–314.

⁴⁷ Фролова Н.А. О хронологии монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ // Нумизматика і фалеристика. 2001. 2. С. 11; она же. Корпус монет синдос (Первая половина – конец V в. до н.э.) // ВДИ. 2002. № 3. С. 71–84.

⁴⁸ Усачева, Кошеленко. Ук. соч. С. 65; Анохин. История... С. 30.

⁴⁹ Анохин. История... С. 47; о датировке см. Яйленко В.П. Новые надписи Горгииппии // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 156; Шелов-Коведяев Ф.В. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1. С. 57. Прим. 2.

ружения Спартока I, опекуном малолетнего Сатира I, наследника престола⁵⁰. Это опровергает сам Диодор, который перечисляет исключительно правителей – наследников Спартока, т.е. людей, принадлежавших только к правящей династии. Так что решительно нет никаких оснований воспринимать Селевка вне правящей ветви рода Спартокидов. По Диодору, Селевк наследовал Спартоку I и царствовал 40 лет (Diod. XII. 36. 1 = SC. I, 2. P. 474), хотя при этом не указано родство Спартока и Селевка в отличие от всех других случаев наследования, когда обязательно отмечается, что наследник был либо сыном либо братом умершего правителя. Согласно тому же источнику, Сатир I правил также 40 лет (Diod. XIV. 93. 1), в 389 г. до н.э. его сменил Левкон I, поэтому после смерти Спартока I в 432/431 г. до н.э. Селевк и Сатир I могли управлять совместно до 429 г. до н.э., после чего власть перешла в руки Сатира⁵¹. Во всяком случае незадолго до 405 г. до н.э. тот был уже полноправным правителем (Lys. XVI. 4), а умер при осаде Феодосии в 389 г. до н.э. (Schol. Ulpian. XX. 33; Strabo. XI. 2. 7). При нем в состав Боспорского царства вошли Кепы с окружающей территорией, после его смерти в память о нем, вероятно, где-то близ Патрея⁵², насыпали курган. Поэтому к началу IV в. до н.э. часть Синдики вместе с Фанагорией и, быть может, Гермонассой уже могла войти в состав Боспора. Следовательно, названные Диодором годы правления Селевка можно объяснить следующим.

Если исключить вероятность ошибки в имени (Селевк вместо Сатира, что полностью отбросить нельзя), то после 429 г. до н.э. Селевк мог сконцентрировать свою деятельность на управлении вошедшими в состав Боспора азиатскими землями, передав бразды полноправного правления Сатиру, а не «уйти в тень», как полагает В.А. Анохин. Этим было положено начало распространенной позднее практике разделения власти между соправителями в доме Спартокидов, когда один из наследников умершего династа возглавлял управление в Синдике. После смерти Сатира I это воспринял его сын Левкон I, когда Горгипп, очевидно, старший сын Сатира и его наследник (Polyaen. VIII. 55), пробыв, может быть, какое-то время в Пантикапее, перебрался затем на азиатский Боспор в Синдику, а его соправитель Левкон, младший брат, стал, как ранее их отец Сатир, единовластным владыкой. Таким образом, по Диодору, 40 лет правления Левкона I должны включать и годы совмещения власти с Горгиппом, аналогично тому, как 40 лет власти Селевка должны охватывать четыре года совместного правления с Сатиром I, а остальные годы прошли уже под началом Сатира как главного архонта. В таком случае в 40 лет владычества Сатира I непременно входят 36 лет правления Селевком частью державы Сатира. Это могли быть земли на европейской и азиатской стороне, включая часть Таманского полуострова в районе Кеп. Но при любом подходе к этой проблеме следует согласиться, что Сатир I и Селевк расширили территорию Боспорского царства и только при них впервые можно говорить о распространении власти архонтов Пантикапея на азиатскую половину государства. Около 405 г. до н.э. Нимфей был захвачен Сатиром I, начавшим расширять владения и на европейском Боспоре. С этим событием ставят в связь последнюю серию нимфейских монет типа Гера в сфендоне – виноградная лоза, NYN, и свидетельство Эсхина о сдаче Гилоном Нимфея, управлявшегося афинянами, «врагам». Город считался афинским владением (Aesch. III. 171). В.А. Анохин отвергает возможность отождествления этих «вра-

⁵⁰ Анохин. История... С. 38. См. Завойкин А.А. Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 155: Селевк – ближайший родственник или соратник Спартока I – регент-опекун при малолетнем Сатире.

⁵¹ Сапрыкин С.Ю. Боспорская держава Спартокидов: письменные и эпиграфические источники // Антология источников по истории, культуре и религии древней Греции. СПб., 2000. С. 499.

⁵² Завойкин А.А. Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo. XI. 2. 7) // ДБ. 2000. 3. С. 59.

гов» с тиранами Боспора и выдвигает гипотезу, что город был сдан не Сатиру, а выдуманным им саммеотам, будто бы накануне вернувшимся из изгнания и поселившимся вновь в нимфейской общине. Они и стали инициаторами чекана монет с NYN⁵³, но если это было так, то по логике автора они должны были бы отчеканить монеты с другой легендой – ΣΑΜ или ΣΑΜΜΑ. Одно это разбивает все исторические реконструкции В.А. Анохина, не говоря уже о том, что ничего из предложенного им в источниках не имеется. Причины появления новой легенды на нимфейских монетах следует искать в возможном переименовании города, которое произошло, если исходить из того, что мы знаем, после перехода Нимфея под власть и влияние Афин. Говоря о пресловутых «врагах», надо учитывать мнение С.А. Жебелева, согласно которому Эсхин, желая опорочить своего политического оппонента Демосфена и выставить его и его родственников в темном свете, намеренно сгустил краски и назвал боспорских тиранов врагами. Этим он хотел создать атмосферу еще более негативного восприятия афинской публикой Демосфена⁵⁴. Таким образом, пока ничто не препятствует считать единственно верной распространенную версию о передаче Гилоном Нимфея именно Сатиру, за что афинянин был поощрен предоставлением в удел города Кепы с окрестностями уже после захвата боспорцами Нимфея. Гилон был государственным должником в Афинах, следовательно, часть жизни, видимо, после Нимфея он провел в Греции. Поэтому после передачи Нимфея Сатиру I дед Демосфена по материнской линии мог возвратиться в Афины, прожить там какое-то время, а затем вернуться на Боспор, будучи обласкан там Сатиром за прошлые заслуги и в знак крепнувших афино-боспорских связей. Это произошло в начале IV в. до н.э., когда, если верить легенде о Тиргатао, Боспор уже владел частью Синдикии (Polyaen. VIII. 55). Гилон был назначен представителем Сатира в Кепы, где обзавелся семьей.

Таким образом, формирование Боспорского государства началось с Селевка и Сатира I не ранее последней четверти V в. до н.э. Оно происходило путем подчинения городов и их сельских территорий тиранам – архонтам Пантикапея, не изменяя изначально полисной структуры их власти. Содействуя сохранению полисных черт в присоединяемых общинах, Спартокиды в то же самое время способствовали приращению владений их резиденции – Пантикапея. Полагаем, что именно в это время сложилось географо-политическое понятие «Боспор», которое впоследствии фигурирует в титулатуре преемников Сатира. К.М. Колобова правильно заметила, что города, включенные в состав Боспорского государства, сами управляли прилегающими землями, поскольку боспорские владытели, включая Левкона I, не имели земли в царской собственности. Даже когда власть Спартокидов усилилась, города сохраняли свои земельные владения⁵⁵. Страбон (VII. 4. 5) говорит, что тираны Боспора ранее владели только небольшой областью близ устья Меотиды и у Пантикапея вплоть до Феодосии, а большей частью Крыма до перешейка и Каркинитского залива – скифское племя тавров. По его данным Феодосия была границей владений боспорцев и тавров. «Далее лежит плодородная страна до Пантикапея, столицы Боспора», – заключает он (VII. 4. 4). Это свидетельствует о том, что владыки Боспора, а к ним можно причислить Археанактидов и ранних Спартокидов, владели лишь землями в окрестностях Пантикапея, исключая Феодосию, хора которой граничила с таврами и областью восточнее от нее, подчиненной Пантикапею, т.е. боспорцам. Ею владели «тираны», т.е. Археанактиды и Спартокиды. Это означает, что, вопреки, эти земли являлись полисными, т.е. приращение владений осуществлялось из Пантикапея, а во-вторых, подключение к ним других полисов с их хорой по берегам пролива составило своего рода союз или симмахию, основанную в основном на

⁵³ Анохин. История... С. 40–42.

⁵⁴ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.–Л., 1953. С. 186; Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963. С. 81.

⁵⁵ Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. № 4. С. 56–59.

подчинении и лишь отчасти добровольно. Отсюда и возникло понятие «Боспор», охватывавшее города и их хору, расположенные у пролива Боспора Киммерийского. Поскольку Феодосия лежала за пределами земель, примыкавших к проливу, и была присоединена силой, то в титулатуре тиранов Пантикапея ее выделили из собирательного названия «Боспор», отчего и сложился титул «архонт Боспора и Феодосии»⁵⁶. Присоединение Синдики к Боспору тесно увязано с так называемыми монетами с надписью ΣΙΝΔΩΝ. Есть мнения считать их выпущенными в городе Синдская Гавань или же относить к чекану Синдского царства. Однако это совершенно различные подходы – чекан полиса, а монеты, скорее всего, действительно биты городом Синдская Гавань или от имени граждан города Синд-Синдик, правда, уменьшившегося со временем до размеров деревни (комы)⁵⁷, и чеканка синдского царя (Гекатей?) от имени царства синдов, даже если это осуществлялось на монетном дворе эллинского полиса. Из свидетельств Полиена и посвящения Аполлону из Лабриты (о нем ниже) известно, что у синдов в конце V – начале IV в. до н.э. существовала прочная царская власть, на престоле находились царь Гекатей и его наследник – старший сын, имя которого не сохранилось. Если бы означенные монеты, а согласно последним исследованиям их относят к середине V в. до н.э., принадлежали бы царской чеканке синдов, то по правилам царского чекана монеты имели бы легенду с титулом и именем правящего царя. Однако в греческой нумизматике нет примеров, чтобы эллинские по облику и виду монеты чеканились бы от имени варварского народа (племени). Страна и царство, которыми управлял Гекатей, носили название ΣΙΝΔΙΚΗ, поэтому, так как выпуск монет племенем или страной невозможен, следовало бы ожидать легенду не ΣΙΝΔΩΝ, т.е. «монета синдов», а ΣΙΝΔΙΚΗΣ – «монета Синдики» или «царства Синдика», но и таких примеров в монетном деле VI–V вв. до н.э. не имеется. К тому же название «Синдика» – это больше географическое, нежели государственно-правовое понятие. Монета всегда чеканилась государством (или союзом государств), а не страной, племенем или народом, или от имени главного лица в государстве – царя, архонта, тирана и т.п.

Металлографические исследования «монет синдов» свидетельствуют, что в их металле большая концентрация золота (от 0.1 до 1%), заметно большее количество меди (3.5%) и несколько процентов свинца, что превышает объем этих же металлов в монетах Пантикапея, Нимфея, Феодосии, Фанагории конца V в. до н.э. Это соотношение близко сплаву пантикапейских монет середины VI – середины V в. до н.э. (3% меди, 0.15% золота), что говорит о едином источнике металла для монет Пантикапея и Синдики и о государственном контроле со стороны Боспора над составом монетных сплавов⁵⁸. А это может косвенно подтверждать не синдский, а эллинский по-

⁵⁶ Это полностью опровергает предположение А.А. Завойкина, что Феодосия и позднее Горгиппия могли войти в состав Боспорского государства на правах царских владений (*Завойкин А.А. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ. 2002. 5. С. 95–101*), тем более что он сам отстаивает тезис о полисном характере власти архонтов Боспора (*он же. Боспор: Пантикапей и территориальное государство // ТС. 2000. 3. С. 34–36; он же. Боспор: территориальное государство и полис // Боспорский феномен... Ч. 1. С. 22–28*). Разделяя эту концепцию, мы готовы лишь поспорить о термине «территориальное государство», который кажется нам бессмысленным, ибо никакое государство не бывает внетерриториальным и всегда подразумевает определенную территорию. Правомернее говорить не о «территориальном государстве», а о «территории полиса» как общины граждан, распространившей господство на более обширные районы. Этот упрек надо адресовать в первую очередь Ю.Г. Виноградову и А.Н. Шеглову, которые впервые ввели этот термин применительно к Херсонесу и его владениям (см. *Виноградов Ю.Г., Шеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 310–371*).

⁵⁷ *Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 20–22. О городе Синд или Синдик на месте будущей Горгиппии см. Кругликова И.Т. Синдская Гавань-Горгиппия-Анапа. М., 1977. С. 13; Завойкин А.А. Синдская Гавань (Синдик)-Горгиппия // ВПИ. 1998. № 3. С. 136.*

⁵⁸ *Смекалова Т.Н. Значение изучения состава монетных сплавов для античной нумизматики (на примере Боспора) // ДБ. 2000. 3. С. 266, 268.*

лисный характер их чекана⁵⁹. Тогда легенда ΣΙΝΔΩΝ – gen. posses. множ. числа от названия города Σινδός > Σινδίων (или Σινδέων) > Σινδών со стяжением гласных ω (εω) > ω, т.е. как демотикон общины горожан⁶⁰. Перспективнее, на наш взгляд, связывать монетную легенду ΣΙΝΔΩΝ с этнонимом Sindones > Σινδόνες или Σινδώνες, основавшими город Синд (Mela I. 110, 111). Если синдоны тождественны синдам (Σινδοί) других авторов, то и жителей города Синд могли тогда называть Σινδοί и Σινδόνες, Мела, как и Плиний, использовал греческие источники по древнейшему периоду истории Боспора, поэтому и этноним и демотикон вполне могли совпадать как употреблявшиеся в архаическое и раннеклассическое время. И нет необходимости исправлять текст Помпония Мелы, подразумевая у него ошибку.

Последние годы жизни Сатира прошли в борьбе за Феодосию, за которую вступилась Гераклея Понтийская, и за утверждение господства в Синдике. При вступлении во власть Левкона I, сына и наследника Сатира, в Боспорском царстве было неспокойно: заговоры друзей из окружения тирана, триерархов, заподозренных в измене, отпадение азиатских владений вследствие опустошений страны иксоматами и меотами во главе с Тиргатао, бывшей женой синдского царя Гекатея. Однако традиционная версия, согласно которой Левкон наследовал Сатиру, а Горгипп был только уполномочен вести переговоры с меотами, не совсем верна. Как говорилось выше, Сатиру I, по Полиену, наследовал Горгипп, тогда как по другой версии у Диодора (XIV. 93. 1) его преемником стал Левкон. Здесь, очевидно, мы опять сталкиваемся с соправительством. В конце правления Сатира некий Сопей, друг его и богач, «начальствовал над большей областью и имел попечение о всех его владениях». После ложного доноса о заговоре против Сатира Сопей был заточен, но впоследствии освобожден. Раскаявшись, Сатир дал Сопею «величайшие залогов верности, сделал власть его еще большей, чем он имел прежде», и содействовал браку дочери Сопея со своим сыном (Isocr. XVII. 3–11). Следовательно, до ареста по доносу Сопей мог быть одним из наместников Сатира, а после освобождения породнился с ним, но вернулся ли тиран бывшему соратнику наместничество, неизвестно. Мы знаем лишь, что власть Сопея стала еще большей, но, вероятно, это произошло в результате брака его дочери и сына тирана. За время содержания под стражей Сопея его должность наместника и «попечителя владений» тирана могла перейти к сыну и наследнику Сатира – Горгиппу или Левкону, а может быть и к ним обоим (третий сын Метродор погиб в Прикубанье во время войны с Тиргатао). А когда Сопей был прощен, то Са-

⁵⁹ *Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 153; *Шелов Д.Б.* Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 242; *Анохин МДБ.* С. 28. № 42–44, 51–53, 59, 60.

⁶⁰ *Шелов-Коведяев.* История Боспора... С. 127: автор предполагает образование этой легенды от этнонима Σινδός > Σινδοί, т.е. синд, синды, обосновывая тем, что стяжение εω > ω для Боспора V в. до н.э. не засвидетельствовано, что встретило возражения Е.М. Алексеевой (Греческая колонизация... С. 20, 21). Действительно, до середины IV в. до н.э. гласная ω передавалась как дифтонг εω, а ι через долгий ει, что встречается, например, в имени Ποσειδέωνιος (КБН. 172, 199, 220), впоследствии писавшегося уже со стяжением гласных – Ποσειδώνιος (КБН. 75, 111, 497), Ποσειδώνιος (КБН. 497, 760). То же и в названии города Феодосии в легенде на монетах V – начала IV в. до н.э. оно фигурировало как ΘΕΟΔΕΟ, ΘΕΟΔΕΩ, а затем со стяжением εω > εο > о, т.е. как ΘΕΟΔΟ, ΘΕΥΔΟ (*Анохин.* МДБ, с. 138–140). Поэтому представляется более реальным предположение, что город издревле назывался Феодосией (см. *Блаватский В.Д.* Феодосия VI–V вв. до н.э. и ее название // СА. 1981. № 4. С. 26), а не мифическим именем ΘΕΟΔΕΟΣ, ΘΕΟΔΕΙΑ, ΘΕΟΔΕΑ (*Шелов.* Возникновение... С. 26; *Петрова.* Ук. соч. С. 68; *Фролова.* Чеканка Феодосии... С. 302 сл.). Это свидетельство того, что боспорцы произносили и писали долгую Ω и как ΕΩ и как ΕΟ, иногда с характерной заменой Ω на Ο. А это может подтверждать выпадение Ε в Σινδ(ε)ών. Если же этникон был образован от Σινδός > Σινδοί > Σινδιών (*Тохтасьев С.Р.* Scythia // в «Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979) // ВДИ. 1984. № 3. С. 141), то краткая ι могла выпадать перед долгой ω. См. также: *Тохтасьев С.Р.* Еще раз о синдских монетах и Синдском царстве // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 1. С. 63–79.

тир, женив наследника на дочери опального ранее сподвижника, сделал того членом своей династии, т.е. возвысил больше прежнего, как выразился сын Сопея в «Банкирской речи» у Исократы (XVII. 3. 11). С этого времени один из сыновей как соправитель отца мог получать земли на европейском и азиатском Боспоре. Это мог быть Горгипп, если верить Полиену, сконцентрировавший активность на азиатском берегу, где, по-видимому, находилась большая часть его владений. А Левкону I, если он был прямым наследником и зятем Сопея, переходил тогда домен на Керченском полуострове, где главными были Пантикапей и его хора, отчего он и получил демотикон «пантикапеец» (КБН. 37). Но в любом случае оба сына становились властителями, что и вызвало разночтения в письменной традиции, так как сыновья всегда были у Спартокидов соправителями правящих тиранов и в дальнейшем.

Вышесказанное подтверждает титулатура Левкона I. В нашем распоряжении есть постановление аркадян периода около 370–360 гг. до н.э., в котором Левкон I назван «пантикапейцем» (КБН. 37), а также посвящение Фебу-Аполлону на алтаре из Семибратнего городища – наиболее ранние эпиграфические свидетельства о Левконе I. Псефизма аркадян была вынесена до появления лабритской надписи, незадолго до падения Феодосии или сразу после ее захвата (в 360-х годах до н.э. город уже был в руках Левкона I), когда официальный титул правителя еще не был введен в оборот. Ведь в постановлении Аркадского союза тиран величается просто «пантикапейцем» без пространного титула «архонт Боспора и Феодосии», полученного позднее. Без регалий фигурирует Левкон I и в посвящении из Лабриты, где он просто «Левкон, сын Сатира»⁶¹. Эта надпись появилась вскоре после победы над Феодосией и Гераклеей Понтийской, т.е. приблизительно в 380–360 гг. до н.э., во время подчинения Синдикии⁶², следовательно, в первой – начале второй четверти IV в. до н.э. власть Левкона I могла ограничиваться только европейским Боспором, так как на азиатской стороне мог господствовать Горгипп. Это подтверждает стратегема Полиена о Тиргатао, по которой именно Горгипп прекратил войну с предводительствуемыми ею варварами. А поскольку он считался наследником Сатира, то его брат как соправитель не имел права на развернутый титул и именовался просто сыном Сатира или прибавлял к своему имени невыразительный демотикон «пантикапеец». После серии заговоров и измен, а скорее всего после падения Феодосии и победы над гераклеотами Левкону I удалось постепенно отодвинуть старшего брата на второй план, оставив ему только азиатский Боспор. Вот почему в посвящении из Нимфея середины IV в. до н.э. Горгипп вообще не имеет никакого титула⁶³, а Левкон чуть ранее этого времени получил титул «архонт Боспора и Феодосии», правда, пока без указания на власть над меотами и синдами (КБН. 1111 – посвящение Демарха, сына Скифа). При этом надпись из Лабриты должна предшествовать посвящению Демарха, хотя они и появились почти одновременно. Когда Синдика полностью перешла под власть Боспора, а о том, как это происходило, рассказывает лабритская надпись, и позиции Левкона I в Пантикапее и на всем европейском Боспоре после побед над гераклеотами и подавления внутренних смут усилились, что и засвидетельствовано посвящением Демарха, то он окончательно сконцентрировал управление в своих руках. Горгипп же, как ранее Селевк до войны с Тиргатао и Гилон при Сатире I, мог превратиться в простого наместника в Синдике или в Синдской Гавани, переименованной в его честь в Горгиппию, являясь там эпистатом, подобно тому же Гилону в Кепях. Таким образом, окончательное формирование Боспорского государства как основанного на союзе путем подчинения окрестных городов и их хоры, а также земель в Синдике, населенных местными племенами, завершилось в первой половине

⁶¹ Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 37; Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп // ВДИ. 2002. № 3. С. 3–23.

⁶² Тохтасьев. Еще раз о синдских монетах... С. 67.

⁶³ Древний город Нимфей. СПб., 1999. С. 90. № 216.

правления Левкона I. Впоследствии государство при Спартокидах расширилось только за счет областей в Прикубанье, но ненамного.

Поэтому власть Левкона I, как до него режим Археанактидов и первых Спартокидов, была по характеру тиранической, а значит полисной, вследствие чего он и его прямые преемники назывались архонтами Боспора, т.е. эллинских полисов – Пантикапея, Нимфея, Кеп, Гермонассы, Горгиппии, Фанагории и Феодосии, а также более мелких городов. В этом отношении огромный интерес представляют две надписи Левкона I – одна из Керчи, в которой он титулуется «архонтом Боспора, Феодосии, синдов, царем торетов, дандариев, псессов» (КБН. 6а), другая из Нимфея, где его величают «архонтом Боспора и Феодосии, всей Синдики, меотов, торетов, дандариев и псессов»⁶⁴. Архонтский титул в отношении племен синдов и меотов, торетов, дандариев и псессов появился потому, что первоначально власть Левкона I была установлена в Синдской Гавани и Лабрите, крупнейших городах Синдики. В этом просматривается результат деятельности Горгиппа, признавшего верховное господство своего брата Левкона и отошедшего, таким образом, на вторые роли. Вскоре власть Левкона в Синдике упрочилась, и это дало ему право признать себя «архонтом всей Синдики», т.е. всей страны синдов. До тех пор, пока на престоле там оставались дружественные Спартокидам наследники Гекатея, вассальные Боспору цари синдов, Левкон I не отваживался титуловаться царем синдов и ему пришлось называть себя их архонтом, подчеркивая *полисный* характер власти с основой на города (КБН. 6а). Аналогичным образом, пока меоты были подвластны скифским царям (Хел. Аронт. II. 1. 10), в частности Октамасаду, о котором говорится в лабритской надписи и у Геродота, Левкон I ни в коем случае не мог считаться их царем, вследствие чего величал себя их архонтом, что и засвидетельствовано в нимфейском посвящении. Но как только власть синдских, а также господствовавших в Синдике скифских царей, была ликвидирована или они официально признали себя вассалами Боспора, что произошло ближе к середине IV в. до н.э., то Левкон I сразу изменил официальный титул и стал «архонтом Боспора и Феодосии, царем синдов, торетов, дандариев, псессов» (КБН. 6, 1037, 1038, ср. также 6а) или «царем синдов и всех меотов» (КБН. 8). Это окончательно поставило Горгиппа в подчиненное Левкону I положение и лишило его любого права на титул. Однако сущность власти Спартокидов от этого несколько не изменилась, она по-прежнему оставалась полисной, хотя в глазах варварских племен Синдики и Меотики Левкон I считался преемником их вождей – царей и оттого по праву величался их царем. Надписи Левкона I наглядно свидетельствуют об этапах расширения территории Боспора на азиатском берегу и проливают свет на институт соправительства у Спартокидов, в данном случае на динамику совместного разделения властных полномочий между сыновьями и наследниками Сатира I.

В начале III в. до н.э. титулатура Спартокидов претерпела существенные изменения. Правящие династии стали титуловаться царями, что впервые произошло при Спартоке III (КБН. 19), а на монетах засвидетельствовано при Левконе II в середине столетия. В дальнейшем монеты выпускались уже постоянно от имени царей (Анохин. МДБ. № 134–136). Однако делать из этого вывод о трансформации тирании Спартокидов в эллинистическую монархию было бы преждевременно. Об этом говорит сохранявшийся еще у Спартока III прежний титул архонта (КБН. 18), а также архонта и царя (КБН. 974, 1043), согласно традиции соответственно Боспора и синдо-меотских племен. Очевидно, лишь в конце правления Спарток начал пользоваться одним общим титулом «царь» (КБН. 19, 20), и это перешло к его преемникам и продолжалось до падения Спартокидов. Однако сущность их власти не изменилась ни на йоту, несмотря на новый титул, ибо она в основе оставалась полисной тиранией. А изменение в титулатуре – своего рода дань моде после провозглашения диадо-

⁶⁴ Соколова О.Ю. Новая надпись из Нимфея // ДБ. 2001. 4. С. 369. См. более обстоятельную публикацию документа: Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // Hesperoboreus. 2002. Т. 8. Ч. 1. С. 99–121.

хов, правителей новообразованных эллинистических государств, царями в последней декаде IV в. до н.э. Аналогичный прецедент произошел в Гераклее Понтийской, когда в 306 г. до н.э. ее тиран Дионисий объявил себя царем, что, несколько не повлияв на характер его тирании, поставило его вровень с преемниками Александра Македонского (Memn. IV. 7). Царские регалии Спартокидов позволяли им на равных вести переговоры с царями эллинистических государств, в частности, с Птолемеями и понтийскими Митридатами.

В начале III в. до н.э. произошли изменения и на боспорской хоре. В результате внутренних междоусобиц, передвижений варваров и усилившегося давления скифов на европейские и сарматов на азиатские владения, сократилось количество сельских поселений. Прекратили существование прежде всего неукрепленные усадьбы и деревни местного населения, им на смену к началу второй половины столетия пришли большие укрепленные поселения и усадьбы, а также полувоенные полуаграрные укрепления-крепости, прототипы получивших позднее большое значение на Боспоре военно-хозяйственных поселений типа катойкий⁶⁵. Но делать из этого вывод о появлении в это время в Боспорском царстве земель из категории царских, как в государствах на развалинах империи Александра, неверно. Перемены на хоре совпали с аналогичными перестройками на полисных землях Ольвии, но особенно Херсонеса Таврического, вызванными теми же причинами. Поэтому мы по-прежнему должны говорить о ближней и дальней хоре Пантикапея и других крупных полисов Боспорского государства, что подтверждают, например, раскопки усадьбы близ Мирмекия, определенно относившейся к ближней хоре, тогда как приазовские городища Восточного Крыма принадлежали дальней хоре столицы Боспора⁶⁶. Это позволяет определить социально-экономические отношения в государстве и формируемую ими социально-политическую структуру как полисную, включавшую понятие «Боспор» как конгломерат полисных владений крупнейших городов, что было и при ранних Спартокидах. Вот почему Спарток III, сын Евмела, даже в начале III в. до н.э. продолжал величаться архонтом.

Сложившаяся к концу III в. до н.э. структура хоры в принципе не изменялась до конца II – первой четверти I в. до н.э., точнее, до 80-х годов до н.э. К рубежу II–I в. до н.э., когда Боспор перешел под власть Митридата Евпатора и отныне составлял часть его родовых доменов, хора Пантикапея и других полисов серьезно уменьшилась в размере. Вследствие давления варваров, взимания ими дани с последних Спартокидов, а главное в результате передвижений сатархов, скифов и сарматов, последовавших за ними войн Диофанта и Неоптолема, восстания скифов Савмака, измен сыновей Митридата VI и других военных катаклизмов земельные владения городов Пантикапея, Феодосии, Фанагории, Горгиппии сократились до минимальных пределов. Поскольку почти все поселения на большей части сельской территории пришли в упадок к последней декаде II в. до н.э., то Митридат Евпатор и его наместники поначалу поддерживали еле функционировавшие земли боспорских полисов, стремясь реанимировать городскую хору, что делалось ими и в Понте⁶⁷. Переход к царскому

⁶⁵ Масленников А.А. К типологии боспорских поселений // СА. 1989. № 2. С. 66–78; он же. Эллиническая хора... С. 89.

⁶⁶ Saprykin S.Ju. Polis Chora in the Kingdom of Bosphorus // Problemi della Chora Colonial dall' Occidente al Mar Nero. Taranto, 2001. P. 658. А.А. Масленников придерживается традиционной для нашей историографии точки зрения, что земли на «дальней» хоре находились во владении Спартокидов и потому могут считаться царскими с начала IV в. до н.э. («Царская» хора Боспора на рубеже V–IV вв. до н.э. // ВДИ. 2001. № 1. С. 181 сл.). Однако он не учитывает, что Спартокиды не были царями над территориями и населением европейского Боспора, поэтому даже их земельные владения, если таковые и были, не могли являться царскими.

⁶⁷ Saprykin S.Yu., Maslennikov A.A. Bosphoran Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors (Pt 1) // Ancient Civilizations. 1995. V. 2. № 3. P. 279–281; *idem*. Bosphoran Chora... (Pt 2): Polis-Chora System in the State of Bosphorus on the Threshold of the Christian Era // Ibid. 1996. V. 3. № 1. P. 2–14; Saprykin S.Yu. Понтийское царство. М., 1996. С. 283 сл.

землевладению наметился с того времени, когда Боспор был передан под управление сыновей Митридата Евпатора, его наследников Митридата Младшего и Махара⁶⁸, т.е. был официально признан наследственным родовым владением царя и по положению приравнен к Понтийской Каппадокии, Пафлагонии и Колхиде. К 85–83 годам до н.э., когда боспорские греки выказали нерасположение к политике понтийского монарха, а ресурсы полисных земель Боспора оказались полностью исчерпанными, города не могли более служить для Понта главным источником снабжения продовольствием. К тому же Митридат VI взял прочный курс на большее сближение с варварами – скифами, сарматами, меотами и др.⁶⁹ Отменив прежние полисные привилегии, он начал реорганизацию хоры с целью поднять экономический потенциал Боспора и других подвластных земель для подготовки новых войн с Римом. С 70–60-х годов до н.э. на Боспоре приступили к созданию фонда царских земель путем строительства крепостей и укрепленных поселений, как ранее в Понте, что возвысило его до мировой державы. Они возводились по образцу военно-хозяйственных поселений типа эллинистических катойкий или клерухий, а гарнизоны, туда вводившиеся, формировались из боспорцев, ирано-анатолийских наемников, а также все чаще привлекавшихся на воинскую службу сармато-меотов. В результате на разоренной войнами и лихолетьем хоре, бывшей ранее полисной, стали складываться новые отношения, характерные для эллинистического Востока, выразившиеся, прежде всего, в появлении земель, попадавших в прямое подчинение не полисов, как ранее, а царской власти в лице ее наместников⁷⁰. Именно с 80–60-х годов до н.э. можно говорить о зарождении эллинистической государственности на Боспоре⁷¹, сменившей полисную структуру экономики, земельных отношений и политической власти тиранов.

Эту политику активно продолжали преемники Митридата Евпатора – Фарнак, Асандр, Динамия и Аспург, завершившие образование царского земельного фонда, сосуществовавшего с незначительной полисной хорой. Военно-хозяйственные поселения служили надежной опорой царской власти на Боспоре, прикрывая и защищая греческие города от варварской угрозы. При этом сарматы и другие варвары не требовали дани, как прежде, не вторгались в города и на их сельскую территорию, а привлекались для военных походов и сторожевой службы, когда их знать существенно обогащалась. Как только Фарнак II овладел Боспором, царь сарматского племени сираков Абеак собрал 20 тысяч всадников, царь аорсов Спадин – 200 тысяч, а «верхние» аорсы еще больше и помогли ему начать борьбу за возрождение Понтийского царства (Strabo, XI. 5. 8). В государстве Митридата Евпатора и его преемников произошло взаимообогащение и взаимовлияние варварского иранского и греческого элементов во всех областях жизни. На Боспоре это дало толчок к новому экономическому подъему, начавшемуся со второй половины I в. до н.э., но особенно на-

⁶⁸ Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 58–72; *Shelov D.B. Le royaume pontique de Mithridate Eupator* // JdS. 1982. Juil.-dec. P. 264 ff.; *Молев Е.А.* Политическое положение Боспора в составе Понта // Из истории античного общества. 2001. Вып. 7. С. 90–93 (автор незаслуженно «отказывает» Митридату Младшему в местничестве на Боспоре, которое уверенно подтверждает Плутарх – Sulla. 11).

⁶⁹ Шелов Д.Б. Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 569–571; *Виноградов Ю.А.* Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // ТС. 2000. Вып. 3. С. 90–93.

⁷⁰ *Saprykin S.Yu.* Greek Cities and Rural Settlements of Bosphorus under the Successors of Mithridates VI // *Colloquenda Pontica: Greek and Roman Settlements on the Black Sea Coast.* Bradford, 1994. P. 43–57; *Сапрыкин С.Ю.* Город и царская власть в Понтийском государстве Митридатидов // Античный мир – Византия. Харьков, 1997. С. 200; *он же.* Понтийское царство. С. 282–285.

⁷¹ Об этом кратко высказывались уже М.И. Ростовцев (*Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. Bd II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. Stuttgart, 1993. S. 74–84) и Ю.Г. Виноградов (*Vinogradov Ju.G.* Anmerkungen zu Kapitel VI: Staat und Kultur des Bosphoranischen Reiches // *Rostowzew M.* Skythien... S. 143; *Виноградов Ю.Г.* Боспор и эллинизм // III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1988. С. 16, 17; см. также *Молев.* Политическое положение... С. 95).

бравшему силу при Аспурге. Даже ожесточенные войны при Скрибонии и Полемене I, спровоцированные Римом для разрушения митридатовской системы власти с опорой на царские земли и укрепления, не смогли поломать эту тенденцию⁷². Наивысшего развития экономика Боспора достигла в конце I – первой половине III в. н.э., основой которого стало дальнейшее совершенствование эллинистических принципов, заложенных при Митридате Евпаторе и его преемниках. Это, прежде всего, строительство и активное использование военно-хозяйственных поселений на царской хоре, которых к концу I в. н.э. появилось довольно много, и даже значительных по площади укреплений (Илурад, Савроматий, Тасуново, Генеральское, Белинское, Новоотрадное). Сохранялись и относительные полисные права и привилегии, что позволило греческим городам существенно поднять свою экономику во II – первой половине III в. н.э. Экономическая и политическая стабильность обеспечила поддержку со стороны Римской империи, что также консервировало эллинистические тенденции в развитии Боспора⁷³. Если поначалу Рим пытался ликвидировать митридатовские военно-хозяйственные поселения на Боспоре, как ранее в Понте при Помпее и Цезаре, то после неудачи с назначением царем Полемона I стал даже поощрять укрепление боспорской царской хоры и всей эллинистической социально-экономической структуры. Это еще больше стимулировало развитие там эллинизма и эллинистического по характеру государства.

Поэтому к середине III в. н.э. Боспор превратился в сильное царство, в котором активно взаимодействовали эллинистические принципы экономического и политического развития. Длительное время считалось, что причиной подъема на Боспоре в первые века нашей эры была так называемая «сарматизация» т.е. активное проникновение сарматских этнических элементов в города и на хору⁷⁴. Однако исследования показали, что о масштабной сарматизации Боспора можно говорить только с середины III в. н.э.⁷⁵ До этого, согласно археологическим источникам, привлечение сарматов и других варваров только способствовало укреплению «митридатовских» устоев, среди которых доминировали эллинистические традиции, эллинские образ жизни и культура⁷⁶. Но как только после готских походов в середине III в. н.э. сарматские черты начали превалировать и это воплощалось в постепенном отеснении от власти династии Тибериев Юлиев, преемников Митридатидов, Боспор как эллинистическое государство стал клониться к упадку. Поэтому за окончание эллинистического периода на Боспоре мы пока условно берем середину III в. н.э.

Хронология войн, которые, согласно Константину Багрянородному, Боспорское царство вело с Херсонесом Таврическим на протяжении III–IV вв. н.э., и их соответствие последовательности правления позднебоспорских царей, раскрываемой по данным нумизматики, позволяют приблизительно очертить конец эллинистической эпохи в истории Боспора. В первой войне при Диоклетиане в 291–293 гг. н.э. принял участие боспорский царь Савромат, дошедший с войском до Лазики и Понта (Const. Porph. De adm. imp. 53). Однако по монетам в эти годы правил царь Фофорс, так как известны его статыры 290–291 и 293 гг. н.э. Несовпадение имен царей: Савромата в

⁷² См. подробно об этом: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2001; *Saprykin S.* Bosphorus on the Verge of the Christian Era (Outlines of Economic Development) // TALANTA. 2000/2001. XXXII–XXXIII. P. 91.

⁷³ *Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. С. 141–145; *Saprykin S.Yu.* Le roi Sauromace Ier du Bosphore Cimmerien // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Leiden, 2000. P. 47 ff.

⁷⁴ *Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922. P. 173–175; *Gajdukevič.* Das Bosphoranische Reich. S. 489; Блаватский. Пантикапей... С. 180–193; *Десятчиков Ю.М.* Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1974. С. 3 сл.

⁷⁵ *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. С. 9–15, 220.

⁷⁶ *Saprykin S.Yu.* Polis and Chora of the Bosphoran Kingdom in AD I–II: The economic aspect // The Economy of Roman Asia Minor. Abstracts. Exeter, 2002.

источнике Константина Порфиrogenета и Фофорса по монетам – объясняют позднейшей редакцией херсонесских хроник, положенных в основу труда византийского императора. Однако у Константина этот Савромат назван сыном Крискорона, в котором не без оснований видят искажение имени Рескупорид⁷⁷. В таком случае это царь Рескупорид IV, который чеканил золотые монеты с 242 по 276 г. н.э., причем в 253–254 гг. он выпустил статеры одновременно с царем Фарсанзом (Фролова. МДБ II, с. 258, 259, 279, 280). Сыном Рескупорида IV был Савромат IV, выпустивший монеты в 275 г. н.э. одновременно с отцом (Фролова. МДБ II, с. 281–283). В том же 275 г. н.э. появились статеры царя Тейрана, продолжившего чекан и в следующем 276 г. н.э. также одновременно с Рескупоридом IV (Фролова. МДБ II, с. 284). В тот год Рескупорид IV завершил чекан (Фролова. МДБ II, с. 275; Анохин. МДБ, с. 171. № 718), а Тейран продолжал его до 278 г. н.э. (Анохин. МДБ, с. 172. № 729; Фролова. МДБ II, с. 286). Затем после перерыва, когда у власти в течение семи лет стоял Хедосбий, собственную чеканку с 285 г. н.э. начал Фофорс (Анохин. МДБ, с. 172. № 730; Фролова. МДБ II, с. 287). Все эти годы Тейран, Хедосбий и Фофорс могли осуществлять правление совместно с Савроматом IV, который начал войну с римлянами и Херсонесом в 291–293 гг. н.э., как раз в правление Фофорса⁷⁸. Нумизматика показывает, что поначалу по праву родства и престолонаследия у власти находились Рескупорид IV и Савромат IV, его сын и, вероятно, соправитель-наследник, представители старой боспорской династии Тибериев Юлиев. Однако затем власть с ними стали делить сначала Фарсанз и Тейран, а затем последний и сменивший его Фофорс оттеснили Савромата, стали главными правителями и сделали законного царя и прямого наследника трона как бы соправителем, подчиненным им и без привилегии бить монету – право, которое они оставили за собой. Ему дали лишь командование боспорскими войсками, поэтому Константин Багрянородный называет Савромата IV происходящим «из боспорян».

В 309 г. н.э., в последний год правления Фофорса, к власти пришел Радамсад, согласно В.А. Анохину, правивший и чеканивший статеры до 318 г. н.э., когда начал царствовать и бить монеты уже новый царь Рескупорид V (Анохин. МДБ, с. 173). У Зосима (II. 21) есть сообщение, что в 322 г. н.э. савроматы, которые жили близ Меотиды, напали на Римскую империю, переправившись через Дунай под предводительством царя Равсимода. Летом 323 г. н.э. они были разгромлены, а Равсимод убит. Царя Равсимода не без оснований отождествляют с Радамсадом⁷⁹. Радамсад/Равсимод отчеканил последнюю монету не в 318 г. н.э. (как у В.А. Анохина), а в 322 г. н.э., выпустив до этого еще и монету в 319 г. н.э. (Фролова. МДБ II, с. 322). Сейчас установлено, что Рескупорид V начал править в 314 г. н.э., так как первый его золотой датируется 611 г. понтийской эры (Фролова. МДБ II, с. 323), т.е. Радамсад находился у власти еще в течение восьми лет правления Рескупорида V. Очевидно, они правили совместно, что подтверждает надпись КБН, 66 о возведении какой-то постройки при царях Радамсаде и Рескупориде. В ней Радамсад поставлен на первое место, значит Рескупорид V мог быть его соправителем. Скорее всего, отправившись в поход на римские нижнедунайские провинции, Радамсад оставил Рескупорида V на Боспоре в качестве законного царя – представителя правящей династии Тибериев Юлиев. Он мог быть сыном и наследником Савромата IV, который также царствовал под сюзеренитетом Тейрана, Хедосбия, Фофорса и, вероятно, Радамсада в первые годы его правления (до 611 г. понт. эры = 314 г. н.э.).

⁷⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Комментарии. М., 1989. С. 451.

⁷⁸ Этого Фофорса отождествляли с Савроматом (*Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора // *Античное общество.* М., 1967. С. 206), но это совершенно разные лица (Фролова Н.А. Монетное дело Фофорса (285–308 гг. н.э.) // *СА.* 1984. № 2. С. 48–52).

⁷⁹ *Зубирь В.М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 123; *Болгов.* Закавказье античного Боспора. С. 40.

Прекращение чеканки Радамсада/Равсимода в 322 г. н.э.⁸⁰ могло быть вызвано его гибелью за Истром.

Окончание боспорской чеканки В.А. Анохин датирует 627 г. понт. эры = 330 г. н.э., хотя ранее относил последние монеты Рескупорида V к 630 г. понт. эры = 333/334 г. н.э. и 633 г. понт. эры = 336 г. н.э. (Анохин. МДБ, с. 174. № 775–777). Н.А. Фролова полагает, что последняя боспорская монета Рескупорида V (VI) датируется 639 г. понт. эры = 342 г. н.э. (МДБ II, с. 372), однако нечеткость даты на монетах ставит этот год под сомнение. Уверенно можно говорить лишь о 638 г. понт. эры = 341 г. н.э. как последнем годе царствования Рескупорида V и окончания золотой чеканки правителей Боспора вообще.

Константин Багрянородный повествует о неудачной для Боспорского царства войне Савромата, внука Савромата, сына Крискорона (Рескупорида IV), с Херсонесом и о войне другого Савромата с этим же городом, также окончившейся для боспорцев неудачно, но чуть позднее, после последней войны, по словам Константина, «царство савроматов в Боспоре было уничтожено» (Const. Porph. De adm. imp. 53. 192–196). Нашествие на Боспор гуннов и падение правящей династии произошло в 370-х годах н.э.⁸¹, следовательно, конфликт Савромата, внука Рескупорида IV, с херсонеситами должен относиться ко времени после 341 г. н.э. и до 370-х годов н.э., а никак не к 331 г. н.э., на чем настаивает В.А. Анохин. В нем был задействован Савромат V, сын Рескупорида V, а «другой Савромат», позднее снова начавший войну, – это Савромат VI, вероятно, сын и наследник Савромата V. Оба они монет не чеканили, и Константин Багрянородный не называет Савроматов IV, V, VI царями, но говорит о кончине «царства савроматов» (ἡ τῶν Σαυρομάτων ἐν τῇ Βοσπόρῳ βασιλεία κατελύθη), разумея под термином «савроматы» скорее не этноним, а личные имена правителей. Но как ни трактуй это свидетельство, оно дела не меняет. Войны с Херсонесом/Херсоном вели уже после окончания золотой царской чеканки на Боспоре правители из династии Тибериев-Юлиев, оставшиеся у власти после гибели Радамсада/Равсимода и ослабления готто-сарматской ветви властителей в результате поражения сарматских дружин на Дунае в 322 г. н.э.

Сопоставление золотой чеканки на Боспоре в послеготское время и хроники войн с Херсоном/Херсонесом при Савроматах IV, V, VI вкупе со свидетельством о походе Равсимода/Радамсада за Дунай показывает, что во второй половине III – большей части IV в. н.э. в Боспорском государстве правили и чеканили золотые монеты две ветви властителей. Одна линия – это члены законной древней династии Тибериев-Юлиев, которые вели родословную от Аспурга, Митридата VIII, Котиса I, Рескупорида I и Савромата I, в конечном итоге имевшие единого прародителя – понтийского царя Митридата Евпатора. Они были официально признаны Римской империей царями Боспора со времени Аспурга. Другая линия – это какие-то побочные представители этой же династии, но готского или сарматского происхождения, либо прямые потомки готских и сарматских племенных царей, породнившихся с боспорскими династами. После готских походов они подчинили своей власти законных боспорских властителей, сделав их соправителями или вассалами, подчас даже лишив их права чеканить монету. Это послужило основанием для херсонесских хронистов и для использовавшего их сведения Константина Багрянородного упоминать боспорских Савроматов без царского титула. Их как бы «приниженное» положение подтверждает и нумизматика. Все это хорошо соотносится со свидетельством Зосима (I. 31), который пишет о царях Боспора как о лицах, «получавших власть от отца к сыну», имея в виду линию властителей в лице Рескупоридов IV и V, а также Савроматов IV, V, VI, и о том, что «по исчезновении царского рода (т.е. законных царей династии Ти-

⁸⁰ Фролова Н.А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рескупорида VI // СА. 1975. № 4. С. 55.

⁸¹ Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 23; Сокольский Н.И. Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968. S. 254, 255.

бериев-Юлиев. – С.С.) во главе правления встали недостойные и потерянные люди», подразумевая под ними, очевидно, побочных властителей готского или сарматского «варварского» происхождения⁸².

Такое соправительство «законных» и «полузаконных» царей началось, по-видимому, после Рескупорида III (234–238 гг. н.э.) с правления Инифимея. Этот суверен сарматского или готского происхождения нарушил исторически сложившийся порядок престолонаследия «от отца к сыну», хотя сам имел обязательные для царей Боспора римские династические имена Тиберий Юлий. Не случайно Зосим и Константин Багрянородный упоминают боспорян и савроматов при нападениях на римские провинции рядом друг с другом. Взаимоотношения официальной династии боспорских царей и, по Зосиму (I. 31), «недостойных и потерянных людей», которые встали у трона, строились на свойственных варварам иранского происхождения вассальных связях подчинения более слабых властителей сильным правителям, а возможно, и на данничестве. После царствования Рескупорида V в связи с активизацией антиримских походов северопричерноморских варваров римские субсидии Боспорскому царству прекратились, его правители перестали официально признаваться Римом как цари, что стало причиной отсутствия у них царского титула и золотого чекана. В этом особенность организации управления на позднеримском Боспоре, когда Рескупорид IV соправительствовал с Фарсанзом, а длительное царствование Фофорса и кратковременное правление Тейрана совпало по времени с деятельностью Савромата IV, сына этого Рескупорида. В этом же причина совместного правления Радамсада/Равсимода и Рескупорида V, сына Савромата IV. После смерти Радамсада/Равсимода и окончания правления Рескупорида V на престоле остались сначала (?) его сын Савромат V, а затем (?) внук Савромат VI, совершившие неудачные походы против Херсона/Херсонеса в середине – третьей четверти IV в. н.э. Когда около 370-х годов н.э. власть последнего пала, на Боспоре установилась так называемая алано-гуннская конфедерация. Само государство еще продолжало существовать, но под значительным влиянием Восточной Римской империи, о чем свидетельствуют данные раскопок, нумизматики и надпись царя Дуптуна от 483 г. н.э. (КБН. 67)⁸³.

Таким образом, с середины III в. н.э. в Боспорском царстве эллинистические традиции в управлении и социально-политической сфере стали резко приглушаться. На их место выдвигались отношения, более свойственные варварским кочевническим обществам. Это позволяет нам пока еще условно предлагать период 240–260-х годов н.э. как время окончания эллинизма на Боспоре в том виде, в каком он сложился при Митридатидях и их преемниках Тибериях Юлиях, сменив полисную тираническую форму государственного устройства Археанактидов и Спартокидов.

THE KINGDOM OF BOSPORUS: FROM TYRANNY TO HELLENISTIC MONARCHY

S. Yu. Saprykin

The article is devoted to the history of Bosphorus from the 6th century BC till the 3rd c. AD. During this period Bosphorus suffered different periods of development. During the Archaeanactids it was a kind of a common Greek tyranny, which grew up from polis community of Panticapaeum. In the beginning of the 5th century BC there was no kind of a strong *symmachia* of Bosporan cities, inspired by the Scythian threat, as had been suggested earlier. We are able to speak only about the constantly increasing chora of Panticapaeum which swallowed up the neighbouring town of Myrmekion. Since then the whole amount

⁸² По поводу споров об этнической атрибуции позднебоспорских царей как представителей варваризованных племен см. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 112.

⁸³ Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 244; Фролова Н.А. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // Там же. С. 247–262.

of land in the Cimmerian Bosphorus was limited by city chorai of Theodosia, Nymphaeum, Phanagoria, Hermonassa, Сепое, among which the polis land of Panticapaeum was dominant.

When the Spartocids came to power, their regime still kept its polis origin as tyrannic until the late 2nd c. BC when the Bosporan polis lands were seriously diminished. The real Hellenistic kingdom in Bosphorus started only after its becoming a part of the Pontic state of Mithridates VI Eupator, i.e. in the 80s BC, when Mithridates VI, and especially his successors, began to create the so-called royal lands instead of the weakening polis land possessions. This process stopped by the mid 1st c. AD. The rise of Bosporan economy in the 1st–2nd cc. AD was due to the Mithridatic Hellenistic traditions and the Roman support much more than to the so-called «Sarmatization». For the end of the Hellenistic period in Bosphorus we cautiously take the middle of the 3rd c. AD, when the old Hellenistic royal dynasty, descended from the Mithridatids, was suppressed by the completely barbaric kings and the whole state was turned to be more barbaric in all spheres of life.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ